

Н.С. ЛЕСКОВ

Николай Семёнович Лесков

Прекрасная Аза
(Рассказы)

Николай Лесков

Прекрасная Аза

*Любовь покрывает множество грехов.
Петра IV, 8*

В первых веках христианства в Александрии египетской жила одна очень молодая и очень красивая девушка, египтянка, по имени Аза. За ее красоту ее называли «Прекрасною Азой». Она была круглая сирота. Родители ее умерли, едва только она вышла из детства, и оставили ей большое богатство. Аза имела благоустроенный дом и обширный виноградный сад по скату к реке Нилу. Наследства, которое получила Аза, достаточно было бы, чтобы ей прожить целую жизнь в полном довольстве, но молодая египтянка была чрезвычайно добра и участлива ко всякому человеческому горю и ничего не жалела для того, чтобы помочь людям, которые находились в бедствии. Через это с нею произошел следующий роковой случай.

Раз перед вечером, когда схлынул палящий египетский жар, Аза пошла с своими служанками купаться к Нилу. Она выкупалась и, освеженная, покрывшись легким по-

крывалом, тихо возвращалась к себе назад через свой виноградник. Служанки ее этим временем оставались еще на реке, чтобы убрать купальные вещи.

Вечер после знойного дня был прелестный; работники, окончив свое дело, ушли, и виноградник был пуст. Аза могла быть уверена, что она одна в своем саду, но вдруг, к удивлению своему, она заметила в одной куртине присутствие какого-то незнакомого ей человека. Он как будто скрывался и в то же время торопливо делал что-то у одного плодового дерева. Можно было подумать, что он рвал плоды и оглядывался, боясь, как бы его не поймали вертоградари.

Египтянке пришло на мысль подойти ближе к незнакомцу с тем, чтобы помочь ему скорее нарвать больше плодов и потом тихо проводить его через ход, выводивший на берег Нила, к купальне. С этой целью Аза и пошла к незнакомцу.

Но когда египтянка подошла ближе, то она увидела, что этот незнакомец не срывал плоды, а делал что-то совсем другое: он закреплял для чего-то шнур к суку старого дерева.

Это показалось Азе непонятно, и она притаилась, чтобы видеть, что будет дальше, а незнакомец сделал из шнура петлю и вложил в нее свою голову... Еще одно мгновение, и он удавился бы в этой петле, из которой слабой девушке не по силам было бы его вынуть, а пока она успела бы позвать на помощь людей – давленник успел бы умереть... Надо было помешать этому немедленно.

Египтянка закричала: «Остановись!» и, бросаясь к самоубийце, схватилась руками за петлю веревки.

Незнакомец был пожилой человек, эллин, с печальным лицом и в печальной одежде, с неподрубленным краем. Увидав египтянку, он не столько испугался, сколько пришел в досаду и сказал ей:

– Какое несчастье! Злой демон, что ли, выслал тебя сюда, чтобы остановить мою решимость?

– Для чего ты хочешь умереть, когда жизнь так прекрасна? – отвечала ему египтянка.

– Может быть, жизнь и прекрасна для тебя и для подобных тебе, которые живут в пол-

ном довольстве. Раньше и я находил в ней хорошее, но нынче судьба от меня отвернулась, и жизнь моя составляет мне несносное бремя: ты не права, что мешаешь мне умереть. Иди отсюда своею дорогою и оставь мне возможность вылезть по моей веревке вон из этой житейской ямы, где я не хочу более терзаться между грязью и калеными угольями.

Девушка не соглашалась его оставить и сказала:

– Я не позволю тебе удавиться: я крикну, и сейчас прибегут мои люди. Лучше возьми свой шнурок под одежду и поди за мною в мой дом; расскажи мне там твою горе, и если есть возможность облегчить его, то я это сделаю, а если оно в самом деле так беспомощно, как ты думаешь, тогда... выходи от меня с своим шнуром куда хочешь: я тебе ни в чем не помешаю, и ты еще не опоздаешь тогда повиснуть на дереве.

– Хорошо, – отвечал незнакомец, – и как мне ни тяжело медлить на земле, но ты мне кажешься такою участливою, в глазах твоих столько ума, а в голосе ласки, что я тебе хочу повиноваться. Вот же шнур мой спрятан под

моею одеждой, и я готов идти за тобою.

Египтянка привела отчаянного незнакомца в свой благоустроенный дом, приказала служанке подать фрукты и прохладительное питье и, усадив гостя среди мягких подушек на пышном ковре, вышла, чтобы переменить свое купальное платье на другое. Когда же Аза возвратилась, то она села тут же, рядом с гостем, а за ними стали две черные служанки и легким движением шелковых кистей начали приводить в колебание спускавшееся с потолка огромное напитанное ароматами опахало из больших пестрых перьев.

Египтянка желала как можно скорее узнать горестную историю незнакомца, что он и исполнил. Рассказ его был прост и немногосложен. Покусившийся на самоубийство эллин недавно еще имел большое состояние, но потерпел неудачи в делах и до того задолжал, что не мог рассчитаться с своим заимодавцем. В этом затруднении он прибегнул к состраданию заимодавца, но это было напрасно: богач соглашался оказать ему снисхождение, только не иначе, как на одном

ужасном условии.

– В чем же заключается это условие? – спросила египтянка.

– Я не могу сказать тебе этого при твоих слугах. Аза велела служанкам удалиться.

– У меня есть дочь, девушка твоих лет, по имени Ио. Она так же, как ты, стройна станом и прекрасна лицом, а о сердце ее суди, как можешь, по следующему. Заимодавец мой, большой и безнравственный сластолюбец, сказал мне: «Отдай мне твою Ио на ложе, и тогда я освобожу тебя от темницы, иначе ты задохнешься в колодке». Я оскорбился и не хотел слышать об этом. Это было мне тем более тяжело, что у моей бедной Ио есть жених. Он беден, но имеет возвышенный ум, и дочь моя горячо его любит с самого детства; кроме того, и жена моя не снесет такого бесчестья, чтобы дочь наша стала наложницею. Но беда настигает беду: представь себе новое горе: дочь моя все это узнала и сегодня сказала мне тихо: «Отец, я все знаю... я уже не ребенок... я решила, отец... Чтобы на твою старую шею не набили колодку... Прости мне, отец... я решила...»

Ио зарыдала, и я вместе с нею рыдал еще больше и стал ее отговаривать, но она отвечала: «Любовь к тебе и к матери, которая не снесет твоего унижения, во мне теперь говорит сильней любви к моему жениху: он молод, – продолжала она, глотая бежавшие слезы, – он полюбит другую и с ней пусть узнает счастье супружеской жизни, а я... я твоя дочь... я дочь моей матери... вы меня воспитали... вы стары... Не говори мне больше ни слова, отец, потому что я твердо решилась».

Притом она пригрозила, что если я буду ей противоречить, то она не станет ждать завтрашнего дня, когда заимодавец назначил мне срок, а уйдет к нему сию же минуту.

Незнакомец отер набежавшие на лицо его слезы и кончил:

– Что еще скажу тебе дальше? Ио имеет решительный нрав и нежно нас с матерью любит... Что она порешила, против того напрасно с ней спорить... Я упросил ее только подождать до завтра и солгал ей, будто имею еще на кого-то надежду... День целый я ходил как безумный, потом возвратился домой, обнял мою жену, обнял нежную Ио и оставил их

вместе, взяв тихонько шнурок, и побежал искать уединенного места, где мог бы окончить свои страдания. Ты мне помешала, но зато облегчила горе мое своим сердобольным участием. Мне мило видеть лицо твое, прекрасное и доброе, как лицо моей Ио. Пусть благословит тебя небо, а теперь прощай и не мешай мне: я пойду и покончу с собою. Когда я не буду в живых, Ио не станет бояться колодки, которую могут набить на шею ее отцу, и она выйдет замуж за своего жениха, а не продаст себя ради отца богачу на бесчестное ложе.

Египтянка внимательно выслушала весь рассказ незнакомца, а потом сказала, глядя ему твердо в лицо:

– Я понимаю во всем твою милую дочь, и мне нравится Ио – она добрая девушка.

– Тем это тяжелей для меня, – отвечал незнакомец.

– Я понимаю и это; но скажи мне, сколько ты должен займодавцу?

– О, очень много, – отвечал незнакомец и назвал очень знатную сумму.

Это равнялось всему состоянию египтянки.

– Приди ко мне завтра – я дам тебе эту сумму.

Незнакомец изумился: он и радовался и не мог верить тому, что слышал, а потом стал ей говорить, что он даже не смеет принять от нее такую огромную помощь. Он напомнил ей, что долг его составляет слишком значительную сумму, и просил ее подумать, не подвергает ли она себя слишком большой жертве, которой он даже не в состоянии и обещать возвратить ей.

– Это не твое дело, – отвечала египтянка.

– Притом же, – сказал он, – припомни и то, что я из другого народа – я эллин и другой с тобой веры.

Аза на мгновение опустила ресницы своих длинных, как миндалины, глаз и отвечала ему:

– Я не знаю, в чем твоя вера: это касается наших жрецов; но я верю, что грязь так же марает ногу гречанки, как и ногу всякой иной, и одинаково каждую жжет уголь каленый. Не смущай меня, грек; Ио покорила себе мое сердце – иди обними твою дочь и жену и

приди ко мне завтра.

А когда незнакомец ушел, Аза тотчас же опять взяла свое покрывало и пошла к богатому ростовщику. Она заложила ему за высокую цену все свое имущество и взятое золото отдала на другой день незнакомцу.

Через малое же время, когда прошел срок сделанного заклада, ростовщик пришел с закладною и взял за себя все имущество Азы, а она должна была оставить свой дом и виноградник и выйти в одном бедном носильном платье. Теперь у нее не было ни средств, ни приюта.

Скоро увидели ее в этом положении прежние знакомые ее родителей и стали говорить ей:

– Ты безумная девушка, Аза: смотри, до чего тебя довела твоя безрассудная доброта!

Аза отвечала, что ее доброта не была безрассудна, потому что теперь она лишь одна потерпит несчастье, а без этого погибало целое семейство. Она рассказала им все о несчастье элина.

– Так ты вдвое безумна, если сделала это

все для людей чужой веры!

– Не порода и вера, а *люди* страдали, – ответила Аза.

Услыхав такой ответ, знакомые почувствовали против Азы еще большее раздражение.

– Ты хочешь блистать своей добротой к чужезверным пришельцам, ну так живи же, как знаешь, – и все предоставили ее судьбе, а судьба приготовила ей жестокое испытание.

Аза не могла избежать тяжких бедствий по причинам, которые крылись в ее воспитании: она совсем не была подготовлена к тому, чтобы добывать себе средства своими трудами. Она имела молодость, красоту и светлый, даже пронцающий ум и возвышенную душу, но не была обучена никакому ремеслу. Прелестное, девственное тело ее было слабо для того, чтобы исполнять грубые работы, – береговые поденщицы ее отгоняли; она не могла носить ни корзин с плодами, ни кирпичи на постройки, и когда она хотела мыть белье на реке, то зола из сторевшего нильского тростника разъедала ее нежные руки, а текучая вода производила на нее головокруже-

ние, так что она упала в воду, и ее, полуживую, без чувств, вытащили из Нила.

Аза очутилась в отчаянном положении. Она была в мокром платье и голодная. С ней поделилась сухой ячменной лепешкой береговая блудница – одна из тех, которые во множестве бродили по берегам Нила, поджидая проходивших здесь вечером чужеземных матросов (навклиров); одна эта женщина поделилась с Азой на ночь своею циновкой, она же прикрыла ее и от стужи ночной своею сухою одеждой, а потом... Аза стала такою же, как эта, – прибрежной блудницей.

Все, знавшие Азу, от нее отвратились – она погибала. Иногда она приходила в свой бывший виноградник, под то самое дерево, на ветвях которого хотел удавиться избавленный ею незнакомец, и вспоминала его рассказ, и всегда находила, что не могла поступить иначе, как она поступила: пусть страдает она, но зато Ио и ее старики спасены!.. Это радовало Азу и давало ей силу терпеть ее унижение; но в другие минуты она была близка к отчаянию и готова была броситься в Нил. То-

гда она садилась над кручей на красном, как огустелый ком крови, песчаном холме и размышляла о том: неизбежно ли так всегда должно быть, чтобы добрые были между грязью и калеными угольями?

Или будь безучастен к горю людскому, или утони в горе сам? Третий выбор – плетись между грязью и углем. Для чего же тогда нашим сердцам дано знать сострадание? Или небо жестоко? Зачем оттуда никто не сойдет и не укажет, как людям сделать жизнь свою лучше, чтоб отверженных не было и чтоб не было гордых, пресыщенных и нищих? О, если б снизошел оттуда такой великий учитель! если был бы такой человек, как бы она, бедная Аза, хотела рыдать у его ног и во всю жизнь исполнять все, что он ей прикажет.

В таком настроении Аза однажды тихо брела вдоль берега Нила по уединенному месту и не встречала сегодня даже буйных мореходцев. Она уже два дня не ела и чувствовала мучительный голод. В глазах у Азы мутилось. Она подошла к реке и нагнулась, чтобы напиться, но сейчас же отскочила в испуге: так

самой ей показалось страшно ее изнуренное лицо с померкнувшим взглядом. А так недавно еще никто не решался ее иначе назвать, как «прекрасная Аза».

– О, я понимаю теперь, что это значит. Я уже больше не «прекрасная Аза» – я страшна даже самым потерянными людям!.. Голод приблизился, мучительный голод... но я не ропщу... Я посылаю последний привет мой небу, которое внушило мне решение любить других больше себя, и с тем умираю!

Она бросилась к реке, чтобы утонуть, и непременно бы исполнила это, но ее неожиданно кто-то удержал за плечо, и она, оглянувшись, увидела перед собою пожилого человека, скромного вида и в чужестранной одежде.

Аза приняла его за одного из чужестранцев, приходящих на это место с целями, о которых ей было известно, и сказала ему:

– Оставь меня в покое: я не хочу идти сегодня с тобою.

Но чужеземец не отошел, а взглянул на нее ласково и сказал ей:

– Напрасно думаешь, сестра моя, что я был намерен сказать тебе что-либо дурное. Мне показалось, что ты в каком-то боренье с собою.

– Да; я вынимаю ноги из грязи и хочу ступить на горячие уголья. Это требует силы.

– Ты очень слаба.

– Я два дня не ела.

– Так ешь же скорее: со мною есть хлеб и печеная рыба.

Чужеземец поспешно перебросил из-за спины холщовую сумку и подал Азе рыбу, и хлеб, и флягу воды, стращенной с вином.

Аза стала есть, запивая глотками воды, стращенной с вином, а когда первый мучительный голод ее был утолен, она повела глазами на незнакомца и тихо сказала:

– Нехорошо, что я ем твою пищу, ты путешествуешь, и тебе нужен запас для себя.

– Не беспокойся, сестра, я могу потерпеть, и поверь, что терпеть гораздо отрадней, чем видеть терпящих. Аза вздрогнула.

– Чужестранец! – сказала она, – ты меня накормил и хорошо говоришь... но зачем ты два раза уже назвал меня своею *сестрою*? Раз-

ве не понимаешь ты, кто я такая?

– Ты такое ж создание бога, как я, и сестра мне. Какое мне дело, чем житейское горе и жестокость людей тебя теперь сделали.

Аза вперила в него свои глаза, опять за- сверкавшие бывалым огнем, и вскричала:

– Ты жжешь меня своими словами: ты, быть может, посланник богов?

– Я такой же простой человек, как и ты, но все мы посланы сюда богом, чтобы оказать друг другу любовь и помогать друг другу в горе.

– Но если ты простой человек, то кто научил тебя так говорить, что сердце мое горит и трепещет?

– Сядем здесь вместе, и я расскажу тебе, кто научил меня так говорить.

Несчастливая Аза еще больше смутилась.

– Как? – сказала она, – ты хочешь сидеть со мной рядом! тебя могут увидеть с блудницей почтенные люди, и что ты им скажешь тогда в оправдание?

– Я скажу им, что *тот*, который всех их почтенней, не гнушался такою, о какой ты вспо-

минаешь.

– Кто ж это был он?.. Я о таком не слышала... но ты о нем говоришь, и слова твои льют новую жизнь в мое сердце... Может быть, онто и есть твой учитель?!

– Ты не ошиблась: это он мой учитель. Аза заплакала.

– Как ты счастлив, как ты счастлив, чужеземец! Где же он, где этот небесный посланник?!

– Он с нами.

– С нами!., со мною!.. Не смейся над бедною Азой!.. Аза несчастна... Скажи мне, где он, – я побегу... Я стану его умолять... и, быть может, он даст мне новую жизнь.

Чужеземец сам взволновался.

– Успокойся, – сказал он, – ты ее будешь иметь – новую жизнь, – развяжись только с старой, – развяжись скорей с тем, что гнетет тебя в прошлом.

– Слушай же, кто я такая! – воскликнула с оживлением Аза и рассказала все, что с ней было, и когда повесть ее была кончена, она добавила в свое оправдание:

– Говорят, будто мне надлежало иначе раз-

мыслить, но я не могла: мое сердце тогда одолело рассудок.

– Кто кладет руку на плуг и сам озирается вспять, тот не пахарь. Не жалей о том, как ты поступила. Аза потупила взор и сказала:

– Я не о том сожалею... но мне тягостно думать о том, что было после...

– После того, когда ты совершила святейшее дело любви, – прервал ее чужестранец, – после того, когда ты позабыла себя для спасенья других... оставь сокрушения эти!.. Когда каленое уголье жжет ноги, ноги ползут в холодную грязь, но любовь покрывает много грехов и багровые пятна белит, как волну на ягненке... Подними лицо твое вверх... Прими от меня привет христианский и знай, что он, к кому душа твоя рвется, перстом на сыпучем песке твой грех написал и оставил смести его ветру.

Аза подняла лицо свое и плакала, а христианин глядел на нее, колени его незаметно согнулись, он поклонился ей в ноги и тихо промолвил:

– Живая! живая!

Утешенье совершилось – пришла новая жизнь в смущенную душу Азы. Христианин раскрыл ей в коротких словах ученье Христова и снова закончил похвалой ее сердцу, но Аза непременно хотела знать; есть ли люди, живущие по этому учению, во взаимной любви, при которой нет ни осуждения, ни зла, ни нищеты.

– Они были, – отвечал христианин.

– Отчего же не все таковы и теперь?

– Это трудно, сестра.

– В чем же тут трудность?

– Слушай, как они жили.

Христианин прочел ей на память места из Деяний: «У множества уверовавших в спасительность его учения было одно сердце и одна душа, – никто из имения своего ничего не называл своим, но все у них было общее, и все, что у них было, они разделяли по нужде каждого и каждый день собирались вместе и вместе принимали пищу в веселии и простоте сердца» (Деян. IV, 32).

– Как это прекрасно! – воскликнула Аза.

– Но как это трудно.

«Так Иоссия, прозванный от апостолов

Варнавою, что значит „сын утешения“ – левит, родом из Кипра, у которого было свое поместье, – продал его и принес деньги к ногам апостолов» (37).

После многих сумрачных дней лицо Азы осветилось отрадной улыбкой: Варнава отдал поместье, и назвали его: «сын утешения»...

Аза выше подняла лицо и сказала:

– Это нетрудно.

– Так иди же отсюда, куда я тебя научу, и расскажи тем людям, к которым придешь, все, что ты мне рассказала.

Чужеземец назвал ей место, где сходятся христиане Александрии, и кто их епископ.

Аза, ни минуты не медля, встала и пошла по его указанию.

Когда Аза пришла, ее сейчас же узнал один клирик и сказал ей:

– Мне знакомо лицо твое: ты очень похожа на блудницу, которая часто ходила на берегу Нила?

– Я сама и есть та блудница, – отвечала Аза, – но я не хочу возвращаться туда, где ты мог меня видеть, – я хочу быть христианкой.

– Это прекрасно, но ты должна прежде

очистить себя постом и раскаянием.

– Я все готова исполнить, что нужно.

Ей сказали, как надо поститься, она пошла и долго постилась, питаясь тем, что ей давали из сострадания. Наконец она изнемогла и пришла снова с просьбой крестить ее и принять со всеми в общенье. Клирики сказали ей: ты должна принести при всех покаяние.

– Да, я затем и пришла, чтобы сказать всем, как дурна моя жизнь, но я изнемогаю и боюсь, что скоро умру. Прошу вас: скажите епископу, что я прошу скорее принять меня в общение.

Клирики сказали епископу, а тот велел назначить Азе катехизатора, который должен был протолковать ей символ и все догматы веры и потом удостоверить ее познания, и тогда Азу будут крестить.

Но Аза этого не дождалась; нетерпеливое желание ее получить христианское имя и жить с христианами вместе снедало ее; она жаловалась и плакала, «а все пренебрегали ею».

Тогда совершилось чудо: когда отверженная египтянка лежала больная «в малой хле-

вине», туда к ней среди ночи вошли «два светлые мужа» и одели ее в белые «крестильные ризы». В них и осталось на земле мертвое тело Азы, а живой дух ее отлетел в обитель живых.

Кончина Азы, одетой в крестильные ризы, сделала затруднение клирикам: они недоумевали, по какому обряду надо похоронить эту женщину, но неожиданно пришел тот чужестранец, который говорил с усопшею Азой у берега Нила. Он был философ и пресвитер сирийский, друг Исаака-сирийца – он вернулся сюда с дороги по внушению духа. Он наклонился над Азой и стал читать христианские молитвы, а пока он молился, тело Азы зарыли в землю, но сириец еще долго стоял и смотрел вдаль – он что-то думал, он был в восторге и двигал устами.

Его спросили:

– Верно, ты видишь что-нибудь чудное?

– Да, – отвечал он, – я вижу, как будто бы небо отверзто... и туда... кто-то входит...

– Неужто блудница?

– О нет!.. блудницу вы закопали в грязи – я

вижу... как легкая струйка с каленого угля
сливается с светом – мне кажется, это восхо-
дит дочь утешенья.

*Впервые опубликовано – газета «Новое вре-
мя», 1888.*